

ISTORIYA. -2021

ISSN 2079-8784

URL - <http://arxiv.gaugn.ru>

All right reserved

Issue 6 (22) Volume 4. 2013

To frighten kids by birch punishment in Russian texts of 16th—17th centuries: literary tradition or realty?

Olga Kosheleva

Abstract

Russian texts, addresses to kids upbringing, are analyzed from the point of recommendations in them to use birches in the process of kids teaching. They are “Domostroi”, “Book of Degrees”, Abecedaries, works of Semeon Polotzki, School Azbukovniki, Alfavitar’, etc. It is shown, that in all of them (except Book of Degrees) authors used texts from the Old Testament about child’s strict punishments. This writing does not reflect any real life situations, but, probably, could have some influence on the child upbringing.

Keywords list (en): upbringing, punishment with birch, Old Russian literature, Old Testament

Date of publication: 15.11.2013

Acknowledgment:

Работа поддержана грантом РГНФ, проект № 11-06-00277а.

Citation link:

Kosheleva O. To frighten kids by birch punishment in Russian texts of 16th—17th centuries: literary tradition or realty? // ISTORIYA. – 2013. – V. 4. – Issue 6 (22) [Electronic resource]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000603-2-1/> (circulation date: 02.12.2021).

1 В литературе, посвященной детскому обучению в средневековой Руси, тема розги присутствует неукоснительно. Так повелось еще с середины XIX в., когда в исследовательский оборот был введен «Домострой»¹. По словам известного специалиста по истории Древней Руси И. Е. Забелина (1820-1908), «учить и бить были синонимы»². Такое мнение, однако, пытались оспорить исследователи, романтизовавшие русское Средневековье, но в полемике они терпели явное поражение. Козырь у них был всего один – текст из «Степенной книги», говоривший о гуманных методах обучения. Когда помимо «Домостроя» и «Степенной» стал известен сборник «Школьных азбуковников», его исследователь Д.Л. Мордовцев (1830-1905) хотел на текстах этого сборника спор как-то разрешить. С одной стороны, он соглашался с И.Е. Забелиным в том, что воспитание «по

большей части не обходится без розог»³, с другой, был шокирован поэтическими текстами, восхвалявшими розги, и не хотел верить в реальное существование тех жестоких наказаний, тексты о которых он сам же добросовестно собрал и представил читателям. Мордовцев нашел выход из этой противоречивой ситуации, решив, что тексты о розге и других наказаниях (а в «Школьных азбуковниках» упоминаются розга, лоза, плеть, ремень, жезл, школьный козел, «карцер» в отхожем месте), – есть «только *словесное устрашение*» детям: угрозы наказаний не были столь суровы на деле, как они выглядели на бумаге⁴. Показательно, что все другие сюжеты из школьной жизни, упоминаемые в «Школьных азбуковниках», Мордовцев (как позднее и другие исследователи) без тени сомнения отождествлял с реальностью, и только тексты о наказаниях заставили его в этом усомниться. Действительно: если решить, что они реальны, то благолепная православная древнерусская школа (существовавшая в воображении славянофилов) сразу превращается в камеру пыток.

2 В вышеозначенной полемике стороны обращались только к литературному материалу, но не к документальному, который как-то мог быть соотнесен с литературным. Последний подкреплялся лишь визуально – гравюра, помещенная в московском печатном букваре В. Бурцева (1637 г., 2-е изд.), изображала наказание ученика розгами. В то же время древнерусская миниатюра из рукописи «Жития Антония Сийского» (1648 г.) изображала схожую сцену обучения, однако никаких наказаний на ней представлено не было.

3 В данной статье я тоже остановлюсь на теме розги только в ее литературном контексте, поскольку документальных источников о наказании детей до XVIII в. не имеется.

4 Рассмотрим разные виды текстов древнерусской книжности, в которых говорится о наказаниях розгами, а также выделим те из них, в которых *не* говорится о наказаниях, хотя он также посвящены вопросам детского воспитания. Я не отождествляю эти тексты с реальностью, хотя и не исключаю влияние некоторых из них (особенно авторитетных) на реальность.

5 Весь существующий комплекс текстов о наказаниях детей восходит к наиболее значимым для людей Средневековья книгам Священного писания. Это ветхозаветные «Притчи Соломона» и «Книги Иисуса Сирахова сына». Из всей Библии только в них возможно обнаружить тематику детского воспитания. «Премудрость Иисуса сына Сирахова» содержит в себе множество афористичных поучений, некоторые из которых имеют обращение «чадо» или «сыне», что отнюдь не означает обращения именно к детям. Например, «Сыне, не сей на браздах неправды – и не пожьнеши их седемьрицей»; «Не глаголи на брата неправды, ни другу того сътвори, еже ти себе не може»⁵.

6 Среди этих поучений есть и наставления родителям о необходимости воспитывать детей, например: «Студ отцю о ненаказании рожданаго от него», «Су ли ти чада, то наказая им, преклони от уности выя их», «Су ли ты дъштери, то внимай телесъм их, и не утишай к ним лица своего»⁶. Подобные изречения были разбросаны по разным местам вышеуказанных библейских книг и не составляли связного текста. Христианские авторы, как западной, так и восточной письменной традиции, задумав создать произведение о воспитании детей, в первую очередь обращались к этим поучениям и использовали их в самых разных вариантах: собирали вместе в связное изложение, добавляли свои примеры, цитировали и пересказывали, превращали их в вирши, иногда стремились переосмыслить. В латинских средневековых сочинениях к ним в большей степени добавлялись собственно авторские размышления и реминисценции из античных произведений, чем в славянских, тем не менее они и там играли значимую роль.

7 Именно эти притчи сделали оправданным жестокое отношение к детям, дали ему божественное обоснование, которое транслировалось из века в век. Очевидно, что они отражают не реалии жизни допетровской Руси, а ветхозаветные сентенции. Однако возможно, как мне кажется, понаблюдать, как древнерусские авторы «работали» с этим материалом, придавая ему разную литературную форму.

8 До «Домостроя» извлечения из книг Ветхого завета на тему воспитания

существовали в качестве вкраплений в сборники иной тематики, например, в «Пролог» ("Воспитай детищ с прещением и обрящиши в нем покои и благосклоние")⁷ или в «Пчелу» (те, кто не учит детей "целомудрию" и "законным вещам" - "не отцы суть, но детоубийцы")⁸. «Домострой» же был задуман как сочинение энциклопедического характера, его составитель постарался собрать все, что он мог найти в древнерусской книжности по поводу воспитания детей, которые являлись частью домашнего уклада. Этим составителем основной редакции «Домостроя» был протопоп Благовещенского кремлевского собора Сильвестр, возможно, являвшийся духовником царя Ивана Грозного.

9 «Домострой» аккумулировал все основные сюжеты о воспитании, существовавшие в древнерусской письменной культуре, и они в дальнейшем переходили в той или иной форме в другие, более поздние, сочинения: ничего нового, по сути, к ним не добавлялось. Сюжеты эти таковы: как чтить детям своих духовных отцов и им повиноваться (гл.14), о необходимости воспитания детей и о результатах хорошего и плохого воспитания (гл.15), о том, что благочестивое воспитание связано с хорошим замужеством (гл.16), о том, как детей наказывать (гл. 17), как детям отцу и матери повиноваться (гл.18).

10 Нас будут интересовать две главы из вышеперечисленных. Они имеют схожие названия: «Како детей своих воспитати во всяком наказании и страхе Божии» (гл.15) и «Како дети учити и страхом спасати» (гл.17). По содержанию же они различаются.

11 В главе 17 есть прямое указание на то, откуда взят текст – «от притчей», т.е. из «Притч» Соломона и Сираха, и действительно он *целиком и полностью* из них состоит. Начальная же часть главы 15, как мне представляется, носит черты самостоятельной работы Сильвестра. Здесь он не делает акцент на розге, а говорит о том, что родители должны заботиться о чадах своих, «снабдити их и воспитати в добре наказании, и учити страху Божию и вежеству и всякому благочинию». Делать это надо, «смотря по возрасту» и по способностям детей («каков кому просуг Бог даст»); надо родителям «любити их и беречи, и страхом спасати, уча и наказуя, и, рассуждая, раны возлагать». Иначе говоря, откуда бы ни взял составитель «Домостроя» эти советы, они далеки от предложения колотить детей для острастки, без всякого смысла. (Заметим в скобках, что и в главе 18, посвященной отношению детей к родителям, говорится о любви к ним, а не только о страхе перед ними и почтении к ним). Однако далее, в главе 15 снова – в соответствии с ветхозаветными притчами - рисуется картина ужасных последствий для родителей, которые не воспитали в детстве своих дочерей и сыновей: «Аще что дети согрешают отцовым и матерним небрежением, им о тех гресех ответ дати в день Страшного суда... а дети, аще небрегомы будут в ненаказании отцов и матерей, аще что согрешат или что сотворят, и отцам и матерям с детьми от Бога грех, а от людей укор и посмех, а дому тщета, а себе скорбь и убыток, а от судей продажа и соромота»⁹. Иначе говоря, ветхозаветными притчами в первую очередь устрашали родители, а не дети, они обращены ко взрослым. Постоянные напоминания священниками своей пастве о необходимости воспитывать детей, видимо, имели под собой реальную почву: простые люди ничего не делали для духовного воспитания своего потомства.

12 Обратимся теперь к «Степенной книге» (летописцу «по степеням», т.е. по княжеским правлениям), о которой упоминалось выше. В ней находится текст речи митрополита Киевского и Всея Руси Михаила, якобы произнесенной при открытии первых училищ при кн. Владимире Святом после крещения Руси. Вот что в нем говорится: «Призваше всех сих учителей грамотных и наказывавше их праве и благочиннее учити юныя дети, якоже словеснем книжного разума, такоже благонравию и правде, и любви, началу премудрости – страху Божию, и чистоте, и смиренномудрию. Учити же их не яростию, ни жестокостию, ни гневом, но радостовидным страхом и любовным обычаем и сладким поучением и ласковым утешением, да не унывают, не ослабевают; прилежно и часто послушивати и наказывати их, предавати и камуждо их урок учения с рассуждением, противу коегождо силы, и со ослаблением, да не унывают»¹⁰. Но И.Е.Забелин категорически отменил это свидетельство чуткого отношения к детям, как незаслуживающее внимание, заметив, что в древних летописях ничего подобного не говорится (т.е. речь эта выдумана

позднее), а «Степенная книга» «имеет значение только литературного памятника для своего и последующего времени»¹¹ (т.е. Забелин имел в виду, что «Степенная книга» не была «руководством к действию» каковым являлся «Домострой», и что «речь» не является на самом деле памятником Киевской Руси). По контрасту к речи митрополита Михаила Забелин указал на текст 17 главы «Домостроя». Несмотря на формальную правоту слов Забелина (и других исследователей) в отношении уникальности поучения в «Степенной книге» о «ласковом утешении» и об обычности поучения в «Домострое» о «сокрушении ребер», уникальное свидетельство «Степенной» заслуживает не меньшего к себе внимания, чем «Домострой». К настоящему времени «Степенная книга» является текстологически на редкость хорошо изученным памятником: большая часть ее текстов идентифицирована с теми или иными сочинениями древнерусской книжности¹². Показано, как ее составитель работал над рукописью в Кремле в 1556-1562 гг. и использовал для этого обширное кремлевское книжное собрание.

13 Интересующий нас фрагмент в точности повторяет летописные сведения о крещении Руси князем Владимиром и организации им «учения книжного», но в них нет никаких упоминаний о митрополите Михаиле и его речи. Она также не встречается ни в каких других древнерусских памятниках, поэтому возможно предположить, что речь Михаила либо заимствована из неизвестного сегодня источника, либо – что она сочинена самим составителем «Степенной». А он, как отмечают ее исследователи, стремился не к «дословному воспроизведению» используемых им летописных текстов, а к их «свободному изложению»¹³.

14 Кто же был составителем «Степенной книги»? Протопоп кремлевского Благовещенского собора Андрей, царский духовник, в 1562 г. ставший Московским митрополитом Афанасием. Андрей занял в Благовещенском соборе место, которое приблизительно до конца 50-х гг. XVI в. занимал составитель «Домостроя» поп Сильвестр¹⁴. Тот же Сильвестр принимал участие и в работе над «Степенной книгой»: ему приписывают включенное в нее «Житие» кн. Ольги и, возможно, кн. Владимира¹⁵. Таким образом, два священнослужителя в одно и то же время работали (а, возможно, и жили) в одном и том же месте – московском Кремле. Оба были связаны и с царем Иваном Грозным, и с митрополитом Макарием, оба создавали очень разные по содержанию, но схожие по технике работы, компилятивные тематические своды. Поэтому, на мой взгляд, можно с высокой степенью уверенности полагать, что Андрей и Сильвестр были знакомы. Ничего, однако, не известно об их взаимоотношениях, о разнице или сходстве их взглядов. Внимательное прочтение сильвестровской редакции «Домостроя» наводит на мысль, скорее, о близости воззрений на наказания Сильвестра к высказанным в «речи Михаила», чем на их различие. Не рискуя вводить в текст собственные рассуждения о воспитании при наличии авторитетных библейских текстов, составитель «Домостроя» все-таки смягчал их там, где была возможность вставить свое слово (как уже говорилось выше, глава 15 тематически повторяла главу 17, но совершенно в другом, сильно смягченном варианте в отношении к наказаниям).

15 Заключительная 64 глава «Домостроя» отлична от всех других находящихся в нем текстов. Она полностью написана Сильвестром самостоятельно, по сути - это не глава, а особое сочинение в жанре поучений отца к сыну. Такие заветы сыну обычно высказывались отцами в предчувствии близкой смерти или пострижения в монастырь¹⁶. Так и Сильвестр, видимо, перед уходом в Кирилло-Белозерский монастырь¹⁷ дал наставление своему уже женатому и находившемуся на государственной службе «возлюбленному и единственному сыну Анфиму». «Милое мое чадо дорогое!», обращаясь к нему Сильвестр, поучая его в духе глав, вошедших в «Домострой», и давая свое благословение. Отец, вводя в текст ряд автобиографических свидетельств, ставил в образец сыну свое поведение в сфере домашнего бытия: «По этому же написанию с любовью и делом, так и жену поучай и наставляй, и детей своих, и домочадцев всех учи страху Божию и добродетельному житию». Однако никаких примеров и наставлений о необходимости сурово наказывать детей Сильвестр сыну не давал. Он писал, что и сын, и его жена, и дети, и домочадцы должны пристойно вести себя в церкви и Богу молиться; он велел сыну «домочадцев своих» одевать и кормить в достатке, а жену

свою любить. Только в одном месте Сильвестр подходит к проблеме наказаний. Речь идет о наказании жены в том случае, если она ведет себя недостойно (пьет, сквернословит, имеет дело с колдунами): «Сурово ее накажи, страхом спасая, но не гневайся на жену, а жена – на тебя. Поучай наедине, да поучив, успокой, и пожалей, и приласкай ее, также и детей и домочадцев учи страху Божию и всяким добрым делам, ибо тебе ведь ответ дать за них в день Страшного суда»¹⁸.

16 Этот текст не сравним с 15 и 17 главами «Домостроя»: под словами «сурово накажи» могут подразумеваться очень разные вещи, и, судя по контексту, здесь имеется в виду строгая нотация. Наказание в семье должно налагаться за очевидную провинность, совершаться без гнева, без публичного позора, и сопровождаться утешением.¹⁹ Про физические наказания слуг, с оговоркой, что прибегать к ним надо в самом крайнем случае, Сильвестр говорил прямо: «И ты (слугу – *О.К.*) и ударь». Про битье детей здесь речи нет. Иначе говоря, там, где мы слышим самостоятельное авторское слово Сильвестра, заметно, на мой взгляд, стремление смягчить библейские сентенции.

17 Сильвестрово поучение Анфиму – лишь одно из значительного ряда сочинений (по большей части анонимных) в жанре «Поучения к детям», что дает возможность проследить, насколько сюжет о наказаниях был вообще в них распространен. Такого нет ни в древнерусском «Поучении к детям» Владимира Мономаха (XII в.), ни в «Наказании отца к сыну» (XV в.), построенному на афористических изречениях²⁰, ни в «Главах наказательных» греческого царя Василия сыну своему Льву²¹, ни в «Жалости праведного спасения, како учаше жалости сына своего» (XVII в.)²². А «Повесть, сказана от святых отец, бысть наказание некоего отца к сыну своему родному» (кон. XVI -XVII вв.) почти полностью включает в себя все тексты о наказаниях глав 15 и 17 «Домостроя»²³. Заключает серию этих древнерусских поучений отца к сыну монументальное сочинение И. Т. Посошкова «Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением, за подтверждением Божественных писаний» (1719 г.). Его автор, крестьянин-«промышленник» из богатого подмосковного села, по многим вопросам находился еще в парадигме древнерусского образа мыслей, в том числе и в отношении воспитания детей, однако по форме его сочинение относилось уже к Новому времени: Посошков писал не «от Божественных писаний», хотя постоянно ссылался на их авторитет, но от себя лично, он не считал зазорным помещать в текст собственные пространные рассуждения и житейские наблюдения. Посошков дал сыну множество советов по поводу воспитания своих внуков, входя даже в такие детали, как покупка пуговиц к кафтану. В отношении наказаний он составил текст, близкий по смыслу и содержанию к 15 и 17 главам «Домостроя», т.е. следовал авторитету ветхозаветных текстов. Однако кое-что Посошков добавил и от себя. Так, он предлагал создать некий официальный надзор за тем, как родители воспитывают своих детей, «понеже у нас народ ненаказанной» и о воспитании детей не очень заботится. «Мню я, - писал он, - что всякому камандиру, а наипаче духовному чину, надлежит о сем пещися, дабы отцы и матери детей своих учили страху Божию и всякому благонравию. Отцы бо и матери хужшее, то есть плоть раждают, а лучшее, то есть душу, погубляют, и чад своих души и с плотию в вечную погибель реют»²⁴. Главный педагогический инструмент для Посошкова – это страх, а главный враг воспитанию «родителя потачка», «ласкание» детей. «Надобно детей учить неоплошно и держать их в великой грозе: первое, чтобы пред Богом трепетен был; другое – чтоб и вас боялся. Так ведите, чтоб и взгляду вашего боялись. И аще в Божьем и вашем страхе возрастут, то они добрые люди будут; а есть ли же в ласкании, то во всякой потачке, и в неге возрастит е, то уж в том (ребенка – *О.К.*) пути не будет: либо будет пьяница, либо блудник, либо озорник, либо и самый вор. Аще бо со младенчества детей своих научите себя бранить и бить, то в возрасте бойтесь, чтобы вам от них до смерти убиенным не быть. Вельми бо, вельми зло, еже младым детям чинить потачка: всякое бо зло и безумство родитца от родителей потачки»²⁵. Вся мудрость, почерпнутую о наказании детей из Священного писания, Посошков приводил далее, давая точные ссылки на цитируемые тексты (это Притчи Сираха и Соломона). О них он писал: «Древни святые, соблюдая людей от погибели, повелевали детей своих бить нещадно». Помимо страха, Посошков рекомендовал сыну ограничивать детскую свободу – и в действиях, и в словах: «И не токмо самому тебе с ними играть, но и на улицу ради игранья

не пускай их, дабы не навькли от неключимых (дурных – *О.К.*) отрочат кощунства и всякого сквернословия, и празднословия...велми блюди чад своих от всяких пустошных и смехотворных словес, дабы и вам ответу Богу за них не дати»²⁶. Он преподносил сыну еще один универсальный совет по воспитанию детей: следить за тем, чтобы ребенок «никогда празден не был и дней бы своих не терял даром»²⁷.

18 В XVII в. России появилось стихотворчество, а в нем – тема наказаний, заимствованная из тех же библейских ветхозаветных книг. При «перекодировании» текста в другую форму естественно происходил авторский творческий процесс – они расширялись и дополнялись. Появился новый жанр – вирши, предварявшие Букварь или другую учебную книгу. Впервые вирши появились во втором издании Букваря Василия Бурцева (1637 г.)²⁸. В них детям разъяснялось, как важно учиться книжной мудрости. Ни о каких наказаниях в нем не говорилось. В конце века (1694 г.) появился знаменитый букварь Кариона Истомина с гравированными картинками. Он тоже предварялся небольшим стихотворением, в котором нет ни слова о наказаниях. Их нет и в его стихах, помещенных в «Азбуку учебную»²⁹. Однако эти факты ни о чем еще не говорят: возможно, авторы считали наказания вещь само собой разумеющейся, а возможно – не считали нужным поднимать эту тему по другим причинам. Так, в «Домострое» Истомина, являвшемся стихотворным переложением «Гражданства обычаев детских», после каждого наставления детям в правилах поведения следует определение конкретного наказания за их невыполнение. Например:

19 «Кто всеусердно сему не прилежит,
двадесяти ран той да не избежит.
Поклонов 100»³⁰.

20 В оригинале никакой речи о наказаниях нет, это добавления самого Истомина.

21 Новый поворот в подаче текста о наказаниях появился в «Букваре» Симеона Полоцкого 1679 г. Он, как педагог и как воспитанник иезуитов, весьма кропотливо разрабатывал тему наказаний в своем творчестве, полностью опираясь на Ветхозаветные книги. Стихотворение Симеона в «Букваре» близко ветхозаветному духу, но не букве. Оно называется «Увещание» и находится ближе к концу «Букваря», видимо, в расчете на то, что дети уже могут самостоятельно его прочесть. Стихотворение прямо обращено к детям:

22 «Хочешь, чадо, благ разум стяжати,
Тщися в трудах всегда пребывати.
Временем раны нужно терпети,
Ибо без них безчинствуют дети»³¹.

23 Полоцкий убеждал (*увещевал*) детей терпеть наказания, ибо они принесут им большую пользу. Он обращался к их разуму, который должен был помочь с пониманием и терпением относиться к наказаниям. И как бы шокирующее для нас сегодня ни звучал текст Полоцкого, его, на мой взгляд, в контексте того времени можно назвать гуманным, направленным на помощь детям терпеть неизбежные при учебе наказания и убедить их, что побои исходят именно от любящих их людей. Вот последние звучные строки:

24 «Целуйте розгу, бич и жезл лобзайте,
та суть безвинна, их не проклиняйте,
И рук, что вам язвы налагают,
ибо не зла вам, но добра желают»³².

25 В эти же годы в рукописных сборниках, которые можно обозначить как «сборники педагогического содержания», помещался стих, представлявший собой панегирик розге, в одном из них он имеет название «Подарок учащимся детям». Итальянская исследовательница Мария Брагоне указывает на существование его вариантов и в лубочных картинках, и в украинской «коляде для малых деток»³³. В отличие от Семиона Полоцкого анонимный автор этого «подарка» обращался не к разуму, который должен помочь детям переносить наказания, а к «Духу святому»: «Розгою Дух Всесвятой дети бити велит». Иначе

говоря, он утверждал, что наказания прописаны в Священном Писании, значит – установлены от Бога. Главным объектом внимания автора стиха оказывалось именно орудие наказания – розга. В нем восхвалялись леса, в которых произрастали розги, сообщалось, что розга «мало вредит» телу и «кости не ломает». Для каждого возраста имелся свой тип розги: для малых детей – «черемховая», для подростков «березовая» (в другом варианте – «дубовая»). Заканчивалось произведение утверждением, что ребенок, не испытавший в детстве розги, до старости не доживет (см. Приложение)³⁴.

26 Сравнение разных списков стихотворного текста «панегирика розге» показывает, что *каждое* из его двустиший имеет *одинаковый* смысл, но изложен он другими словами, иногда применен другой стихотворный размер. Например:

27 *Школьный азбуковник (введение: панегирик розге):*
«Розгою отец и матери еже детище не бьют,
Удаву на выю его скоро увиют».³⁵

Школьный азбуковник («Школьное благочиние»):
«Лозою кая матери детище не бьет
Удаву на шею скоро ему свиет»³⁶

Учение малым детям («Подарок учащимся детям»):
«Розгою яже милости детища мать не бьет
Удаву скоро на выю ему увиет»³⁷.

28 Такое переложение прозы в стихи (в них явно видна основа из библейских текстов) или «переформатирование» чужого стихотворного текста в свой была в указанное время очень популярна среди виршетворцев³⁸. В сборнике «Школьных азбуковников» это произошло в рамках одного этого сборника, поэтому хорошо видно, как именно была выполнена редакция. Сначала текст предстает на первом листе сборника в качестве вводного. Далее составитель сборника Прохор Коломнятин слегка переделал его, поместив в сочиненное им и вошедшее в указанный сборник «Школьное благочиние». Так, он заменил слово «розга» на слово «лоза», чтобы поместить его под буквой «Л». Текст звучал несколько иначе, но все же он был легко узнаваем.

29 При внимательном чтении сборников «педагогического содержания» оказывается, что помимо все тех же ветхозаветных наставлений родителям «наказывать» детей и их же стихотворных переложений иных оригинальных текстов нет. В «Школьные азбуковники» помещены обращения к учителю с наставлениями о том, как ему управляться с учениками, в том числе с нерадивыми и непослушными³⁹. В первую очередь ему рекомендуется молиться за таких учеников, а не наказывать их, на шалости в классе не обращать внимания, а продолжать урок («не печалься, только читай, твое дело есть – сеять»)⁴⁰. Здесь же есть и обращение учителя к учениками, в котором он предупреждает их, что за непослушание им будут нанесены «раны», но если они будут старательны и послушны, то смогут «ран избыти» и спать спокойно⁴¹. Иначе говоря, в «Школьных азбуковниках» тоже происходит увещание учеников по вопросу наказаний, но – иное по сравнению с «Букварем» Полоцкого: детям предлагается не осознавать необходимость розги, а избегать ее путем хорошей учебы и поведения. Если ранее тексты о наказаниях были обращены только к родителям, то в XVII в. их стали обращать и к детям.

30 Итак, через всю древнерусскую книжную традицию красной нитью проходит обыгрывание в самых разнообразных формах текстов Ветхого Завета «о наказании чад». Возможно ли на основе этих литературных текстов составить какое-либо представление о наказании детей родителями в реальной повседневности? Очевидно, что – нет, они являются всего лишь перепевами ветхозаветных сентенций, которые книжники пытались внушить «простецам», наставляя их в благочестии через письменное слово. А потому часто встречающиеся ссылки на «Домострой», «Школьные азбуковники» и другие литературные сочинения не являются убедительным доказательством безоговорочного применения розги.

Они, как *литературное произведение*, не более приближены к реальности, чем «речь Михаила». Но как *текст*, они гораздо более заслуживали читательского доверия, чем «речь Михаила», не опиравшаяся ни на какой общезначимый авторитет. Влиял ли текст на реальность? Безусловно, влиял. Однако наказание детей розгами, которое, конечно же, имело место во времена Средневековья и имеет его по сегодняшний день (хотя и с разным к себе отношением) восходит к практикам и нормам народной повседневности. Прямое перенесение на нее *литературной* традиции, с исследовательской точки зрения, окажется некорректным, даже если полученный результат совпадет. Только источники века Просвещения - мемуарные произведения и школьные уставы - дают возможность говорить об употреблении розги в воспитании уже на чисто документальной основе.⁴²

31 ²⁸ *Примечание:* Так, Савельевы (см. сн. 29) приводят сравнение стихов из Букваря Симеона Полоцкого 1679 г. и «Азбуки учительной» (предположительно авторство Кариона Истомина). Отметим, что и здесь «разум», о котором пишет Полоцкий, заменен на молитву Господу:

Предисловие	О молитве
Отроче юный, от детства учися Писмена знати и разум потщися (л. 2 нн.)	Отроча благо, измлада учися, во всяком деле Господу молися (л. 142). О делании присном
Иже в юности труды полагает, Во дни старости в покои бывает (л. 2 нн.)	Годствует юным всегда в деле быти, на старость имут в покои ти жити (л. 142 об.).

32 Приложение

Подарок учащимся детям во младости Иже дарствит ранимым честность во старости

Розгою Д/у/х всесвятыи дети бити велит,
Зане розга здравия ниже мало вредит.
Разум во главу детей розга поганяет,
Учит тыя молитве и от злобе встает.
Розга, дети, Святому учит писанию,
Розга же наказует и послушанию.
Розга аще и биет, но кости не ломит,
От детищ всяко глупство и злобу отгонит.
Розгою аще кто часто биет отроча,
Избавит душу его от греха и меча.
Розга нудит делати присно ради хлеба,
Розга право возводит юныя до неба.
Розга всяким добротам дети научает,
Розга благия дети из злых претворяет.
Розгою яже милости детища не биет,
Удаву скоро на выю ему увиет.
Разумныя матери и со учителя
Малых детей бывают часто дручители.
Уплоти, Боже, древа на долга времена,
От них же собирают многа розг бремена.
Малым розга березова ко воумлению,
Старым же жезл дубовый ко подкреплению.
Млад убо неможет ся без розги учити,
Той же без жезла стар сый не может ходити.
Аще же из младенца не бити возрастется,
Старости неюдостиг безгодно скончится.

**Прими дар сей, чадо, от моею руку
И храни, и опасно на твою науку.**

«Учение малым детям». БАН. Арх. № С. 211. Л. 68.

- 33 **«Лоза детем разум во главу вгоняет
И от злых на добрая дела возставляет
Лоза родителям дети послушными сотворяет,
Божественного разума премудрость научает.
Лозою кая мати детище не бьет,
Удаву на шею скоро ему свиет».**

Прохор Коломнятин. Школьное благочиние. РГАДА Ф.357, № 60. Л. 21об.—22.

Remarks:

1. Первое издание по рукописи РНБ, Q. XVIII. 149: Голохвастов Д. П., Леонид, архимандрит. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1874. Кн. 1. С. 1—100.
2. Забелин И. Е. Русская личность и русское общество накануне петровских реформ // Забелин И. Е. Опыт изучения русских древностей и истории. Ч. 2. М., 1872. С. 97.
3. Мордовцев Д. О русских школьных книгах XVII века. М., 1862. С. 14.
4. Там же. С. 13.
5. Цит. по: Премудрость Иисова сына Сирахова // Мудрое слово Древней Руси. М., 1989. С. 35.
6. Там же.
7. Пролог мартовский. 1383 г. // РГАДА. Ф. 381, Д. 172. Л. 126б—в.
8. Пчела (XIV—XV вв.). РНБ, Ф. п. 1, 44, Л. 70 об.
9. Домострой // Памятники литературы древней Руси (далее — ПЛДР). Середина XVI века. М., 1985. С. 84.
10. Степенная книга (Думинский список 1594 г.) // РГАДА. Ф. 381, № 346.
11. Забелин И. Е. Характер начального образования в допетровское время (Несколько замечаний о «Заметке по истории просвещения в России» г. Куприянова) // Забелин И. Е. Указ. соч. С. 58.
12. См.: Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времен митрополита Макария. СПб, 2009; Сиринов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. СПб, 2010.
13. Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1997. Т. 2. Ч. 2. С. 194.
14. Первая редакция Домостроя сложилась в Новгороде, она и легла в основу второй «сильвестровской редакции». Самым ранним списком первой редакции, который датируется третьей четвертью XVI в., является рукопись РГАДА, ф.188, № 1380. Он впервые опубликован: Домострой по списку имп. Общества истории и древностей российских / изд. И. Е. Забелин // Чтения в Обществе истории древностей российских. Т. 1—2. М., 1881—1882. Эта публикация повторяется во множестве других изданий, в том числе в ПЛДР, однако с неверным указанием на место хранения рукописи (см.: Каталог славяно-русских рукописных книг РГАДА. XVI век / составитель Л. В. Мошкова. Вып. 1. М., 2005. С. 67—70).
15. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Л., 1989. С. 326.
16. См.: Кошелева О. Е. «Благословляю чада свои»: забота о детях (по древнерусским духовным грамотам) // Вестник Университета Российской Академии Образования. 1997. № 2. С. 108—140.
17. Сильвестр писал, что он сделал все, что надлежит делать родителям для благополучия своего сына, «но теперь, сын Анфим, передаю тебя и препоручаю и оставляю создателю нашему доброму, Хранителю Иисусу Христу и его матери...». Иначе говоря, он оставляет сына в мире одного (ПЛДР. Середина 16 века. М., 1985. С. 161).
18. Там же. С. 163—165.
19. Здесь возможно видеть влияние «Слова Иоанна Златоуста»: «И на ярость и гнев яко досаждаемым досаждающих терпети подобает, и внигда наказовати менших, не с яростию сие творити» (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 362. Л. 192—194).

20. См.: Мудрое слово Древней Руси. М., 1989. С.75—76.
21. Там же. С. 77—87. Здесь в главе «О наказании чадом» говорится: «Покоряйся убо, о чадо, отеческим моим словесем, яко да и себе самого ползуеши, и царство добре управиши...» (Там же. С. 86).
22. Там же. С. 87-91.
23. Там же. С. 92.
24. Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением, за подтверждением божественных писаний. СПб., 1883. С. 42.
25. Там же. С. 43.
26. Там же. С. 44.
27. Там же. С. 45.
28. В первое издание Азбуки В. Бурцева 1634 г. помещены обширные тексты, в том числе и о наказаниях: «Вам же, отцы и учителя, тако глаголет — не отнимай от детища твоего казни, безумие есть привязано в сердца отроцате. Жезлом же наказания изженеши его, детишу иже дают волю его, напоследок посрамотит мать свою, аще ли накажеша его жезлом — не умрет» (Азбука. М., Печ. двор. (В.Ф. Бурцев). 20.VIII. 1634. Л. 56 об.).
29. Их публ. см.: Савельев А. А., Савельева Н. В. «Азбука учебная» Кариона Истомина // *Litterarum fructus*. Сб. статей в честь С. Н. Николаева. СПб., 2012. С. 70—74.
30. Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 206—211.
31. Букварь. М., 1679. С. 121.
32. Там же.
33. Bragone M.-C. *Alfavitar radi ucenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento*. Firenze University Press. 2008. P. 218-219.
34. БАН, Арх. № С. 211. Л.68. Публ. см.: Bragone M.-C. *Op. cit.* P. 107—108.
35. РГАДА Ф. 357, № 60. Л.1 об.
36. РГАДА Ф. 357, № 60. Л. 22.
37. БАН, Арх. № С. 211. Л. 68; Bragone M.-C. *Op. cit.* P. 108.
38. См. примечание в конце страницы.
39. См. подробнее: Кошелева О. Е. «Грубоучащиеся ученики»: чудо преображения (экскурс в отечественную педагогическую мысль XVII столетия) // *Историко-педагогический ежегодник*. 2012. С. 92—99.
40. РГАДА Ф. 357, № 60. Л.119 об.
41. РГАДА Ф. 357, № 60. Л.10 об.
42. См.: Кошелева О. Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI—XVIII вв.). М., 2000; Она же. Провинности и наказания в воспитании российского юношества в XVIII столетии // *Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI—XX вв.)* / под ред. М. Г. Муравьевой. СПб, 2011.

References:

Источники:

1. Пролог мартовский. 1383 г. // РГАДА. Ф. 381, Д. 172.
2. Пчела (XIV—XV вв.) // РНБ, Ф. п. 1, 44.
3. Слово Иоанна Златоуста // РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 362.
4. Степенная книга (Думинский список 1594 г.) // РГАДА. Ф. 381, № 346.
5. Азбука. М., Печ. двор. (В. Ф. Бурцев). 20.VIII. 1634.
6. Букварь. М., 1679.
7. Голохвастов Д. П., Леонид, архимандрит. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // *Чтения в Обществе истории и древностей российских*. 1874. Кн. 1. С. 1—

100.

8. Домострой по списку имп. Общества истории и древностей российских / изд. И. Е. Забелин // Чтения в Обществе истории древностей российских. Т. 1—2. М., 1881—1882.
9. Домострой // Памятники литературы древней Руси (ПЛДР). Середина XVI века. М., 1985.
10. Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением, за подтверждением божественных писаний. СПб, 1883.
11. Премудрость Исусова сына Сирахова // Мудрое слово Древней Руси. М., 1989.
12. Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970.
13. Савельев А. А., Савельева Н. В. «Азбука учебная» Кариона Истомина // *Litterarum fructus*. Сб. статей в честь С. Н. Николаева. СПб, 2012. С. 70—74.

Литература:

1. Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1997.
Golubinskij E. E. Istoriya Russkoj tserkvi. Moscow, 1997.
2. Забелин И. Е. Русская личность и русское общество накануне петровских реформ // Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 2. М., 1872.
Zabelin I. E. Russkaya lichnostj i russkoe obschestvo nakanune petrovskikh reform // Zabelin I. E. Opyty izucheniya russkikh drevnostej i istorii. Vol. 2. Moscow, 1872.
3. Забелин И. Е. Характер начального образования в допетровское время (Несколько замечаний о «Заметке по истории просвещения в России» г. Куприянова) // Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 2. М., 1872.
Zabelin I. E. Kharakter nachaljnogo obrazovaniya v dopetrovskoe vremya (Neskoljko zamechanij o «Zametke po istorii prosvescheniya v Rossii» g. Kupriyanova) // Zabelin I. E. Opyty izucheniya russkikh drevnostej i istorii. Vol. 2. Moscow, 1872.
4. Каталог славяно-русских рукописных книг РГАДА. XVI век / составитель Л. В. Мошкова. Вып. 1. М., 2005.
Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig RGADA. XVI vek / sostavitelj L. V. Moshkova. Issue 1. Moscow, 2005.
5. Кошелева О. Е. «Благословляю чада свои»: забота о детях (по древнерусским духовным грамотам) // Вестник Университета Российской Академии Образования. 1997. № 2. С. 108—140.
Kosheleva O. E. «Blagoslovlyayu chada svoi»: zabota o detyakh (po drevnerusskim dukhovnym gramotam) // Vestnik Universiteta Rossijskoj Akademii Obrazovaniya. 1997. No. 2. P. 108—140.
6. Кошелева О. Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI—XVIII вв.). М., 2000.
Kosheleva O. E. «Svoe detstvo» v Drevnej Rusi i v Rossii ehpokhi Prosvescheniya (XVI—XVIII). Moscow, 2000.
7. Кошелева О. Е. Провинности и наказания в воспитании российского юношества в XVIII столетии // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI—XX вв.) / под ред. М. Г. Муравьевой. СПб, 2011.
Kosheleva O. E. Provinnosti i nakazaniya v vospitanii rossijskogo yunoshestva v XVIII stoletii // Vina i pozor v kontekste stanovleniya sovremennykh evropejskikh gosudarstv (XVI—XX) / ed.by M. G. Muravjevoj. Saint-Petersburg, 2011.
8. Кошелева О. Е. «Грубоучащиеся ученики»: чудо преображения (экскурс в отечественную педагогическую мысль XVII столетия) // Историко-педагогический ежегодник. 2012. С. 92—99.
Kosheleva O. E. «Grubouchaschiesya ucheniki»: chudo preobrazheniya (ehkskurs v otechestvennyu pedagogicheskuyu myslj XVII stoletiya) // Istoriko-pedagogicheskij ezhegodnik. 2012. P. 92—99.
9. Мордовцев Д. О русских школьных книгах XVII века. М., 1862.
Mordovtsev D. O russkikh shkoljnykh knigakh XVII veka. M., 1862.
10. Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. СПб, 2010.

Sirenov A. V. Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya myslj (XVI—XVIII). Saint-Petersburg, 2010.

11. Словарь книжников и книжности Древней Руси (вторая половина XIV—XVI в.) Л., 1989.
Slovarj knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi (vtoraya polovina XIV—XVI) Leningrad, 1989.
12. Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времен митрополита Макария. СПб, 2009.
Usachev A. S. Stepennaya kniga i drevnerusskaya knizhnostj vremen mitropolita Makariya. Saint-Petersburg, 2009.
13. Bragone M.-C. Alfavitar radi ucenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento. Firenze University Press. 2008.

Устрашение детей розгами в русских текстах XVII века: литературная традиция или реальность?

Кошелева Ольга Евгеньевна

Аннотация

В статье анализируются русские тексты, посвященные детскому воспитанию, с точки зрения наличия в них текстов, восхваляющих употребление розги. (Домострой, Степенная книга, Азбуки и Буквари, Сочинения Симеона Полоцкого, Школьные Азбуковники, Алфавитарь и др.). Показано, что во всех случаях (за исключением Степенной) авторы в разных литературных формах обыгрывают тексты Ветхого Завета о наказании чад. Эта литература никак не отражала реальные методы воспитания детей, но могла на них в определенной степени влиять.

Ключевые слова: воспитание, наказания розгами, древнерусская литература, Ветхий Завет

Дата публикации: 15.11.2013

Ссылка для цитирования:

Кошелева О. Е. Устрашение детей розгами в русских текстах XVII века: литературная традиция или реальность? // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2013. – Т. 4. – Выпуск 6 (22) [Электронный ресурс].

URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000603-2-1/> (дата обращения: 02.12.2021).